

Иванова Анна Александровна
Ivanova Anna Aleksandrovna

кандидат юридических наук, доцент факультета права

Нижегородский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (603155, Нижний Новгород, ул. Б. Печерская, д. 25/12)

candidate of sciences (law), associate professor of law school

Nizhny Novgorod branch of the National research university «The Higher school of economics» (25/12 Bolshaya Pechorskaya str., Nizhny Novgorod, 603155)

E-mail: ivanova-anna2004@yandex.ru

Антикоррупционная безопасность как стратегическая цель политики противодействия коррупции и объект мониторингового контроля

Anticorruption security as a strategic goal of anti-corruption policy and object monitoring control

В статье рассматриваются проблемы антикоррупционной безопасности, в частности, относящиеся к антикоррупционной политике, мониторинговому контролю антикоррупционной деятельности на примере Нижегородской области. Высказывается ряд предложений по совершенствованию антикоррупционной деятельности.

In the article the problems of anti-corruption safety, in particular those relating to anti-corruption policies, monitoring control of anti-corruption activities of the Nizhny Novgorod region. A number of offers on improvement of anti-corruption activities expresses.

Ключевые слова: антикоррупционная безопасность, антикоррупционная политика, мониторинговый контроль, антикоррупционная деятельность.

Keywords: anti-corruption safety, anti-corruption policy, monitoring control, anti-corruption efforts.

Значение термина «антикоррупционная безопасность» заключается в утверждении отсутствия коррупционной опасности. При этом такое отсутствие подразумевается, во-первых, как обстоятельство «естественного», или *объективного* характера, и, во-вторых, как следствие, или результат «искусственной», или рациональной защиты от опасности. «Защита» понимается как вид управленческой деятельности, т.е. противодействие коррупции, в результате которого и достигается соответствующий результат, или продукт. Авторы словаря-справочника «Коррупция и антикоррупционная

политика» так и определяют антикоррупционную безопасность, т.е. как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от коррупционной деятельности» [1, с. 6].

Однако обратим внимание на два положения: «состояние защищенности... от коррупционной деятельности».

Во-первых, безопасность связывается с *защищенностью*, т.е. результатом той самой деятельности, которую мы назвали защитой. Но отсутствие опасности, повторимся, может существовать объективно, т.е. в ситуации «элементарного» отсутствия угрозы, или без какого бы то ни было усердия со стороны субъекта, призванного обеспечивать безопасность, например, субъекта правоохранительной деятельности.

Во-вторых, безопасность определяется как следствие защищенности лишь от *коррупционной деятельности*. Но деятельность – это постоянный или относительно длительный процесс (занятие, работа). Коррупционное преступление как отдельный акт не может отождествляться с деятельностью. В отдельных случаях можно было бы отдельный акт коррупционного поведения считать коррупционной деятельностью. Например, в случае, когда преступление подготовлено несколькими действиями: дача взятки, посредничество при передаче взятки, получение взятки, последующее преступление как следствие взяточничества. Однако, представляется, что такое тождество ошибочное, поскольку эти единичные действия лишь характеризуют деятельность как продолжительный процесс, но не могут рассматриваться как «процесс, в ходе которого человек творчески преобразует природу» [2, с. 114]. Если исходить из того, что каждое из действий является элементом системы, именуемой «деятельностью», т.е. образует ее целостность, то исключение одного из них неизбежно разрушает такую целостность.

Однако освобождение от уголовной ответственности взяткодателя (в соответствии с примечанием к ст. 291 УК РФ) и посредника (в соответствии с примечанием к ст. 291¹ УК РФ), по сути, не оказывают и не могут в принципе оказать никакого дисфункционального влияния на коррупционную

деятельность. Они просто удаляются из набора иллюстративных элементов. Но разве они, эти декриминализованные правоприменителем коррупционные деяния не содержали общественной опасности и не причинили ущерба физическим или юридическим лицам? Их общественно опасная угроза очевидна.

Коррупционную деятельность следует определить как чрезвычайно многообразный вид социально-юридической деятельности, исчерпывающий перечень которых вряд ли возможен, как и – коррупции. Но в основном, размышляя о коррупции, обращаются к ее экономической стороне. Например, западноевропейский ученый проф. В. Клэверин так и определяет коррупционную деятельность, т.е. с экономической (рыночной) позиции как бизнес: «коррупционер относится к своей должности как бизнесу, пытаясь максимизировать “доход”» [3].

Деятельность, в которую «вмешивается» коррупционное начало, принимает соответствующий окрас, в котором находит выражение новая сущность этой деятельности. Например, деятельность по предоставлению услуг, будучи связанная с взяточничеством, особенно с вымогательством взятки, приобретает характер криминального бизнеса, например, в региональном масштабе – далеко не «малого».

Безусловно, и «безопасность» и «обеспечение безопасности» как деятельность органически связаны между собой. Нам импонирует позиция проф. В.С. Комиссарова, определяющая безопасность как социальную ценность, которая «характеризуется состоянием защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от негативных последствий явлений социального, природного или техногенного характера, а также поддержанием такого уровня этой защищенности, который является достаточным для нормального функционирования этих элементов» [4, с. 9]. И далее ученый акцентирует внимание на связь (общественной) безопасности «с двумя формами деятельности людей, двумя составляющими – соблюдением

общих правил безопасности и соблюдением специальных правил безопасности» [4, с. 9].

Например, в «Российской криминологической энциклопедии» безопасность определяется, во-первых, как «состояние защищенности», «система свойств объекта», «способность объекта функционировать и развиваться при воздействии неблагоприятных факторов, угрожающих его целостности, сущности и предназначению» [5, с. 65].

Между тем в литературе довольно широко распространено определение безопасности именно как деятельности. Анализируя понятие безопасности, А.В. Петрянин и О.А. Петрянина приводят определение безопасности Н.Д. Казакова, который определяет ее как деятельность, направленную на защиту от внутренних и внешних угроз, и тем самым – на создание условий для стабильного функционирования общества и государства.

Однако далее авторы подчеркивают важность другой характерной черты безопасности: «Полагаем, что данная дефиниция заслуживает внимания в связи с тем, что автор рассматривает безопасность не только как осуществляемую деятельность, а в первую очередь как определенное состояние» [6, с. 174].

Таким образом, при разных подходах во взглядах на безопасность, данная категория представляется нам как качественное явление, свойство. В связи с этим не можем не обратиться к словарям русского языка и вспомним, что суффикс «ость» образует слова (существительные, а не глаголы) со значением отвлеченного признака или состояния.

Размышляя над проблемой терминосистемы и требованиях к терминологической деятельности, проф. Г.Н. Горшенков пишет о необходимости соблюдения в этой деятельности ряда условий, к которым, в частности, относит понимание в многозначном слове именно тех свойств, которые, будучи отнесены к термину, должны адекватно выражать сущность понятия, «соотноситься только с одним научно-определенным понятием и иметь однозначность, одну дефиницию или краткое логическое определение

понятия, в котором выражены наиболее существенные, отличительные признаки объекта» [7, с. 31].

Относительно контекста настоящей статьи это имеет важное значение, поскольку явление безопасности предполагается рассматривать как определенный результат противодействия коррупции и объект криминологического изучения. Причем, результат не только реальный, т.е. как следствие конкретной деятельности, на этот результат направленный, но и результат предполагаемый, или цель. Антикоррупционная безопасность предстает как цель. Применительно к антикриминальной политике – как стратегическая цель.

Например, Национальная стратегия противодействия коррупции предполагает единственную цель – «искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе» (Раздел II, п. 5) [8]. Иными словами, речь идет об источнике (причинности) коррупции.

Осмысливая коррупцию как социально-юридическое явление и понимая бессмысленность идеи его искоренения как объективно существующей реальности, тем не менее, задумываешься над сформулированной в нормативном документе целью.

Вообще-то понятие «цель» в глубокой, античной древности означало «конец», «завершение» того, к чему было устремлено действие. Впоследствии цель истолковывается по-разному, например, цель как «значимость», а не сущность, т.е. не конечный результат, а значимость стремления к этому результату. Например, в философии (методологической основе криминологической теории) цель определяется как «предвосхищение (понимание, предвидение чего-то – *авт.*) в сознании результата, на достижение которого направлены действия» [9, с. 512]. То есть, надо понимать, мыслится не конечный результат, а его *образ*, к которому устремлены действия. Эти действия и деятельность осуществляются сообразно этой цели, становятся *целесообразными*. Образ предвидимого результата проявляет побудительную силу, «начинает направлять действие и определять выбор возможных способов

осуществления» [10, с. 388]. Цель в управлении определяется как центральный функциональный механизм, главный – в формировании последующих действий субъекта управления, в том числе и в области противодействия коррупции.

Таким образом, цель следует понимать, как минимум, в двух смыслах – узком и широком. В узком понимании, например, в *решении-процессе* конкретной правоохранительной задачи цель будет представлять предполагаемое *решение-результат*. Это тактический, или практический аспект осмысления цели, которая предполагается быть достигнутой, причем в назначенный срок.

В широком понимании цель можно уподобить путеводной звезде, или руководящей идеи, которая указывает перспективный путь-направление, в данном контексте – политический курс противодействия коррупции. В Национальной стратегии противодействия коррупции этот курс интегрирует, или объединяет в одно целое, как в «мощный пучок» более двадцати приоритетных направлений. В их числе – обеспечение участия институтов гражданского общества в противодействии коррупции; расширения системы правового просвещения населения; дальнейшего развития антикоррупционной правовой основы; периодическое исследование состояния коррупции и эффективности антикоррупционных мер и др.

В этом, широком понимании цель – антикриминальная безопасность приобретает политический характер и становится категорией антикоррупционной политики. Еще Ч. Беккариа выделял в уголовном наказании подобные две цели: первую – относительно преступника, вторую – относительно остальных, или неопределенного круга лиц. «Следовательно, цель наказания заключается только в том, – писал ученый, – чтобы воспрепятствовать виновному вновь нанести вред обществу и удержать других от совершения того же» [11, с. 31]. Вот эту, вторую цель Беккариа называл политической. «Какова политическая цель наказания? – Задавался риторическим вопросом ученый. И сам же отвечал: – Устрашение других» [11, с. 35].

Немаловажно подчеркнуть, что наказание является одной из мер обеспечения антикоррупционной безопасности. Меры есть не что иное как средства, с помощью которых осуществляются действия (и в целом деятельность) по достижению общей, или главной цели – антикоррупционной безопасности.

Например, в ст. 6 ФЗ «О противодействии коррупции» предусматриваются такие меры профилактики коррупции, как формирование нетерпимости к коррупционному поведению; антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов; установление в качестве основания для освобождения от замещаемой должности и (или) увольнения лица, замещающего должность государственной или муниципальной службы и др. Меры по профилактике коррупции, строго говоря, направлены даже не на саму коррупцию, а на коррупциогенные факторы, т.е. явления, порождающие коррупционные правонарушения.

Таким образом, меры, ни в коем случае не могут быть отнесены к имманентным составляющим антикоррупционной безопасности, более того данное обстоятельство лишний раз убеждает нас в размежевании «безопасности» от «деятельности».

Вместе с тем, признавая неразрывную связь антикоррупционной безопасности с (антикоррупционной) деятельностью по ее обеспечению, следует признать и наличие ее связи с другой, (коррупционной) деятельностью. В связи с этим становится очевидным, что «антикоррупционная безопасность» не «просто» зависит от двусторонней (антикоррупционной и коррупционной) деятельности, но и, благодаря чему, имеет неуравновешенное, динамическое состояние, т.е. характеризуется в разное время разным уровнем характера и степени защищенности от угрозы коррупционной опасности.

Размышляя о предмете нашего анализа – антикоррупционной безопасности, вернемся к цитируемым выше авторам статьи о понятии безопасности. Отмечая динамичность этого явления, А.В. Петрянин и О.А. Петрянина пишут: «...Придание безопасности динамического состояния

указывает на потребность постоянного мониторинга этого состояния в целях незамедлительного и эффективного реагирования на существующие и вновь возникающие угрозы» [6, с. 174]. Надо полагать, авторы предполагают реальные или потенциальные (вполне возможные) угрозы, которые, в частности, представляют коррупционные преступления, или частные случаи проявления всеобщей угрозы национальной безопасности, например, в отношении отдельного физического или юридического лица, социальной группы, социальной сферы, государственного органа и т.п.

В контексте нашего анализа, т.е. рассмотрения антикоррупционной безопасности как стратегической цели политики противодействия коррупции ее следует рассматривать как целостное явление. И в этом аспекте коррупция представляется нам как системная угроза. С одной (внутренней) стороны, в ней, коррупции, усматривается некое «целое, возникающее спонтанно и внутренне организованное, что позволяет увидеть некую внутреннюю динамику коррупции и коррупционных процессов» [12], например, в виде коррупционных сетей. С другой (внешней) стороны, угроза коррупции проявляется в том, что «она паразитирует на социальных, экономических и иных институтах, способна их существенно изменить, даже подчинить себе» [12].

Уголовным законом не предусмотрена такого рода общественная опасность, следовательно, и защита от нее. Уголовный закон направлен лишь на отдельные, общественно опасные проявления коррупции, на лиц, совершивших коррупционное преступление, которые, к тому же, составляют чрезвычайно малую толику реально совершаемых коррупционных преступлений.

Системной угрозе может быть противопоставлена только адекватная, системная защита, которая включает помимо правовых мер множество других – экономического, организационно-управленческого, политического, культурологического и иного характера. Концепция такой защиты должна быть научно проработана и предусмотрена в региональной антикриминальной

политике, соответствующих законодательствах, программах и планах ее реализации.

Применительно к контексту наших размышлений мы понимаем под словом «политика» теоретическую разработку и практическую реализацию основополагающих идей, стратегических целей и тактических задач, направленных на обеспечение антикриминальной безопасности.

При выстраивании антикоррупционной политики на ближайшую перспективу необходимо выбирать такие меры, которые, с одной стороны, имели бы высокий практический эффект (тормозя рост коррупции и снижая ее), а с другой – дали не меньший пропагандистский результат (повышающий более коррумпированных институтов). По всей видимости, программу антикоррупционных действий целесообразно начать именно с них, что даст как практический, так и пропагандистский эффект.

В связи с этим встает проблема информационного обеспечения. Существуют достаточно эффективные механизмы для этого. Один из них – антикоррупционный мониторинг, о котором в последнее время достаточно много пишут. Да и в практической антикоррупционной деятельности регионов мониторинг находит все больший спрос, чему, собственно, обязывает антикоррупционное законодательство.

Однако в виду отсутствия единой концепции мониторингового контроля в антикоррупционной деятельности и соответствующего нормативного обеспечения, этот вопрос в большей мере остается проблемным. Как отмечает ведущий российский специалист в области противодействия коррупции, проф. П.А. Кабанов, «хотя о необходимости использования антикоррупционного мониторинга для формирования и реализации эффективной антикоррупционной политики отечественными специалистами указывалось и ранее, однако до настоящего времени, серьезных научных исследований, посвященных вопросам организации и проведения антикоррупционного мониторинга в Российской Федерации, не проводилось» [13].

В нашем представлении мониторинг – это система неоднократно повторяемых технологических операций по наблюдению, оценке и прогнозированию состояния коррупции, ее различных проявлений и закономерностей, а также реализации мер противодействия коррупции.

По сути, антикоррупционный мониторинг призван обеспечивать информационно-аналитическую функцию совместной – управленческой и криминологической – деятельности, содержание которой, например, И.В. Стороженко видит в систематическом сборе, обработке и анализе информации о состоянии и детерминантах коррупционной преступности путем применения конкретно-социологических методов [14]. Данные мониторингового контроля могут быть использованы в целях оптимизации применения антикоррупционных мер, направленных на обеспечение антикоррупционной безопасности.

Определенный опыт применения антикоррупционного мониторинга уже наработан в Нижегородской области. Порядок проведения антикоррупционного мониторинга на территории Нижегородского региона утвержден Правительством Нижегородской области [15]. Настоящим документом определены основные понятия, цели и задачи, формы и методы, система мер по информационно-аналитическому обеспечению противодействия коррупции и оценки эффективности антикоррупционных мероприятий. В документе определены источники информации, на которые ориентирован мониторинг.

Первые мониторинговые исследования были проведены Общественным комитетом по противодействию коррупции, который был образован в 2007 году при Торгово-промышленной палате Нижегородской области. В настоящее время выработан мониторинговый механизм в виде межведомственной структуры, в которую входят представители областной и городской администрации, прокуратуры. По-прежнему в рабочей группе не только активно участвует, но и выступает главным инициатором Общественный комитет по противодействию коррупции при Торгово-промышленной палате.

Надо сказать, что к нижегородскому опыту проявил интерес Московский антикоррупционный комитет. На организованной им первой всероссийской конференции, посвященной теме антикоррупционной экспертизы, выступила с докладом автор и разработчик мониторингового механизма ответственный секретарь Общественного комитета по противодействию коррупции при Торгово-промышленной палате Нижегородской области О.В. Андрюхина.

Одним из направлений антикоррупционного мониторинга (помимо последовательно осуществляемой антикоррупционной экспертизы) определено наблюдение и оценка мнения бизнес-сообщества методом опроса (анонимного анкетирования) о характере и тенденциях явления коррупции как угрозе, прежде всего, экономической безопасности, нормальному функционированию регионально системе государственного и муниципального управления; детерминации коррупции как социально-юридического явления и коррупционных правонарушений. Всего было опрошено 7 тысяч предпринимателей [16, с. 30 – 48].

Прежде всего, ставилась задача выяснить, как оценивается коррупция (коррупционные правонарушения) предпринимателями, какое у них к ней отношение. Выяснилось, что значительное число респондентов (34% в области и 40% в Нижнем Новгороде) отождествляют сущность коррупции с взяточничеством.

Отношение к коррупции как неизбежному явлению, имеющему место между предпринимателями и чиновничеством, высказали более 60% респондентов. При этом одна пятая их часть высказала мнение не только о допустимости, но и определенной полезности взятки. И только 13% опрошенных предпринимателей высказали мнение, что любые проблемы можно решить без коррупционной сделки.

Инициаторами незаконного вознаграждения, т.е. дачи взятки в большинстве случаев (79%) выступали должностные лица. При этом взятка использовалась как средство решения следующих вопросов:

- а) ускорение прохождения документов (21% ответов);

б) не принятие мер к допущенным бизнесменами нарушениям (15%);

в) стимулирование расследования уголовных дел, в которых заинтересованы бизнесмены (10%) и т.д.

Как известно из публикаций в научной литературе и СМИ, население России склонно считать наиболее коррумпированными, прежде всего, полицию, затем органы здравоохранения и образования. Мониторинг показал, что это характерно и для Нижегородской области. Например, наиболее коррумпированными были определены полицейские (19%), затем работники сферы здравоохранения (13%); на третьем месте оказались представители судебных органов (10%).

Мнение профессионалов бизнеса способствовало определению и ранжированию причин коррупционных проявлений:

– во-первых, стремление чиновников к личной выгоде (25%);

– во-вторых, чрезмерная бюрократизация (20%);

– в-третьих, несовершенство законодательства (17%);

– в-четвертых, недостаточный контроль (14%) и низкая заработная плата государственных и муниципальных служащих (14%);

– в-пятых, стремление граждан решать свои проблемы с помощью взятки (9%).

Что касается предложений, направленных на оптимизацию противодействия коррупции, то были высказаны следующие основные пожелания:

1) качественное выполнения законодательства и даже ужесточение наказания за коррупционные правонарушения – 61%;

2) совершенствование контроля, надзора и аудита – 18% и вовлечение граждан в антикоррупционную деятельность – 18%.

Как видим, довольно распространенная точка зрения в научной и специальной литературе о необходимости оптимизации правовых мер противодействия коррупции подтверждается и бизнес-сообществом.

Одним из эффективных методов антикоррупционного мониторинга мы определяем контент-анализ. Так, проведенный исследовательской группой под руководством проф. Г.Н. Горшенкова контент-анализ публикаций на тему противодействия коррупции в восьми нижегородских городских и районных газетах показал, по сути дела, полную безучастность СМИ в решении проблемы коррупции. В среднем на восемь городских и районных газет приходится меньше двух публикаций в год. Это поразительно негативный результат на фоне роста числа регистрируемых коррупционных преступлений в области. Например, в Уренском районе было зарегистрировано в два раза больше преступлений, в Шахунском районе – в 12 (!) раз, но в двух соответствующих районных газетах – «Уренские вести» и «Знамя труда» – не было помещено ни одной публикации на тему причинности коррупции и противодействия коррупционным преступлениям. В восьми городах и районах области (печатная пресса в которых анализировалась) в 2012 году было выявлено более 200 лиц, совершивших преступления коррупционного характера (что значительно больше, чем это было в предыдущем периоде), однако по данным фактам было сделано всего лишь 7 публикаций, причем, чисто информационного характера.

Подводя итоги, следует сказать, что антикоррупционный мониторинг представляет собой незаменимый инструментарий в оценке криминологической ситуации, где важнейшей компонентой является коррупция, а также действующей системы, обеспечивающей антикоррупционную безопасность.

Примечания

1. Коррупция и антикоррупционная политика. Словарь-справочник / Под общ. ред. П.А. Кабанова / А.Э. Бикмухаметов, Р.Р. Газимзянов, П.А. Кабанов и др. – М.: Медиа-Пресс, 2008.
2. Деятельность // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1991.
3. Гишинский Я.И. Коррупция: теория, российская реальность, социальный контроль. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.narcom.ru/ideas/socio/84.html>
4. Комиссаров В.С. Преступления, нарушающие общие правила безопасности: Понятие, система, общая характеристика. Автореф. ...дис.докт.юрид.наук. – М., 1997. [Электронный

ресурс]:

URL:

<http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://www.narcom.ru/ideas/socio/84.html&tid=ru&text=коррупционная%20деятельность&lid=ru&mime=html&sign=17b33992d62648ea71a8250f8db01209&keyno=0>

5. Безопасность // Российская криминологическая энциклопедия. Под общ. ред. А.И. Долговой. – М.: Издательство НОРМА, 2000.
6. Петрянин А.В., Петрянина О.А. Понятие безопасности: законодательно-доктринальные подходы // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 21.
7. Горшенков Г.Н. Криминология: научные инновации: Монография. – Н.Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2009.
8. Национальная стратегия противодействия коррупции, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 – 2011 годы» // Российская газета. – 2010. – 15 апреля.
9. Цель // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 6-е изд., перераб.и доп. – М.: Политиздат, 1991.
10. Цель // Краткий психологический словарь / Сост. Л.А.Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985.
11. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях // Законность. – 1993. – № 3.
12. Мирзоев С. Институциональная коррупция. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.gosbook.ru/node/26376>
13. Кабанов П.А. Антикоррупционный мониторинг в субъектах российской федерации: понятие, содержание, классификация и специфика правового регулирования. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.crimpravo.ru/blog/1472.html>
14. См.: Стороженко И.В. Антикоррупционный мониторинг в криминологическом значении: автореф. ...канд. юрид. наук. – М., 2011. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/antikorrupcionnyj-monitoring-v-kriminologicheskom-znachenii.html>.
15. См.: Об учреждении Порядка проведения антикоррупционного мониторинга на территории Нижегородской области. [Электронный ресурс]: URL: <http://docs.cntd.ru/document/944941801>
16. Здесь и далее см.: Андрухина О.В. Опыт ТПП Нижегородской области в проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Результаты антикоррупционного мониторинга предпринимателей, проведенного в 2011 г. ТПП

Нижегородской области // Первая Всероссийская научно-практическая конференция «Реализация законодательства о независимой антикоррупционной экспертизе: проблемы и перспективы» (27 марта 2012 года, г. Москва). Сборник материалов / Под ред. М.Р. Юсупова, А.П. Вихряна. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2012.

Notes

1. Corruption and anti-corruption policy. Reference Dictionary / Ed. Ed. P.A. Kabanov / A.E. Bikmukhametov, R.R. Gazimzyanov, P.A. Kabanov, etc. – M.: Media-Press, 2008.
2. Activities // Philosophical Dictionary / Ed. I.T. Frolov. – 6th ed., rev. and add. – M.: Politizdat, 1991.
3. Gilinskii Y.I. Corruption: Theory, Russian reality, social control. URL: <http://www.narcom.ru/ideas/socio/84.html>
4. Commissars V. The crimes that violate the basic safety rules: The concept of the system, a general characteristic. Author. ... dis. dokt. jurid. nauk. – M., 1997. URL: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://www.narcom.ru/ideas/socio/84.html&tl d=ru&text=коррупционная%20деятельность&l10n=ru&mime=html&sign=17b33992d62648ea71a8250f8db01209&keyno=0>
5. Safety // Russian Criminological encyclopedia. Ed. Ed. A.I. Debt. – Moscow: Publishing NORMA, 2000.
6. Petryanin A.V., Petryanina O.A. The concept of security: legal and doctrinal approaches // Legal Science and Practice. Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Russian Interior Ministry. – 2013. – № 21.
7. Gorshenkov G.N. Criminology: scientific innovation: Monograph. – Nizhny Novgorod: Publishing House of the Nizhny Novgorod University Press, 2009.
8. The National Anti-Corruption Strategy, approved by the Decree of the President of the Russian Federation on April 13, 2010 № 460 «On the National Anti-Corruption Strategy and the National Anti-Corruption Plan for 2010 – 2011» // Rossiyskaya Gazeta. – 2010. – April 15.
9. Goal // Philosophical Dictionary / Ed. I.T. Frolov. – 6th ed., pererab. i add. – M. Politizdat, 1991.
10. Goal // At a psychological dictionary / Comp. L.A. Karpenko; under Society. Ed. A.V. Petrovsky, M.G. Yaroshevskii. – M.: Politizdat, 1985.
11. Beccaria C. On Crimes and Punishments // Law. – 1993. – № 3.
12. Mirzoev C. Institutional corruption. URL: <http://www.gosbook.ru/node/26376>
13. Kabanov P.A. Anti-corruption monitoring in the subjects of the Russian Federation: the concept, content, classification and specific regulation. URL: <http://www.crimpravo.ru/blog/1472.html>
14. See: Storozhenko I.V. Anti-corruption monitoring criminological sense: Author. ... candidate.

jurid. science. – M., 2011. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/antikorrupcionnyj-monitoring-v-kriminologicheskom-znachenii.html>.

15. See: On the establishment of the Order of the anti-corruption monitoring in the Nizhny Novgorod region. URL: <http://docs.cntd.ru/document/944941801>

16. Here and below see: Andryuhina O.V. NNR CCI experience in conducting anti-corruption expertise of legal acts and their projects. The results of anti-corruption monitoring of entrepreneurs conducted in 2011 NNR CCI // First All-Russian scientific- practical conference «Implementation of the law on an independent anti-corruption expertise: problems and prospects» (March 27, 2012, Moscow). Collection of materials / Ed. M.R. Yusupova, A.P. Swirling. – Voronezh: Science - Yunipress, 2012.